КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 16

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1909

8766/16

Проверено 1953 г.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

5о картинъ по подпискѣ по 90 к.
5о картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. о5 к.
5о картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1) Городище восточныхъ славянъ, *Н. К. Рериха.*
2) Торгъ у восточныхъ славянъ, *В. М. Васнецова.*
3) Варяги, *В. М. Васнецова.*
4) Христіанство и язычество, *С. В. Иванова.*
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), *И. Я. Билибина.*
6) Вѣче, *А. М. Васнецова.*
7) Съѣздъ князей, *И. Я. Билибина.*

II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, *А. М. Васнецова.*
9) Баскаки, *С. В. Иванова.*
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.), *А. М. Васнецова.*

III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, *С. В. Иванова.*
12) Святѣйшій патріархъ, *С. В. Иванова.*
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), *С. В. Иванова.*
14) Земскій Соборъ (XVII в.), *С. В. Иванова.*
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, *С. В. Иванова.*
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, *С. В. Иванова.*
17) Пріѣздъ воеводы, *С. В. Иванова.*
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). *С. В. Иванова.*
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, *С. В. Иванова.*
20) Стрѣльцы, *С. В. Иванова.*
21) Юрьевъ день, *С. В. Иванова.*
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, *А. М. Васнецова.*
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
24) Школа въ Московской Руси, *Б. М. Кустодіева.*
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
26) Въ смутное время, *С. В. Иванова.*
27) Во времена раскола, *С. В. Иванова.*

IV. Всероссійская Русь.

28) Въ Нѣмецкой слободѣ, *А. Н. Бенуа.*
29) Солдаты Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
30) Флотъ Петра Великаго, *Е. Е. Лансере.*
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, *Д. Н. Кардовскаго.*
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
35) Петръ Великій, *В. А. Сѣрова.*
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), *Д. Н. Кардовскаго.*
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., *Е. Е. Лансере.*
38) Выходъ императрицы Екатерины II, *А. Н. Бенуа.*
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, *А. Н. Бенуа.*
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, *А. Н. Бенуа.*
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, *А. Н. Бенуа.*
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), *А. Н. Бенуа.*
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), *М. В. Добужинскаго.*
44) Въ военномъ поселеніи, *М. В. Добужинскаго.*
45) Декабристы, *Л. О. Пастернака.*
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
47) Городъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, *Л. О. Пастернака.*
49) Люди 40-хъ годовъ, *Л. С. Бакста.*
50) Освобожденіе крестьянъ, *Б. М. Кустодіева.*

8166

947
К-26

8166/16

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 16.

С. В. Ивановъ. Судъ въ Московскомъ Государствѣ.

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1909.

Каталог

ПРОВЕРКА
1950

Инстран. язык

2
4819-16

ПРОВЕРЕНО
1948 г.

5610

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Поставщ. Двора Его Величества Т-во Скоропеч. А.А. Левенсонъ
Москва, Тверская. Мамоновскій пер., С.Д.

Научная Б-ка
им. Горького
при ЛГУ

Судъ въ Московскомъ государствѣ.

На картинѣ изображена присутственная комната судебнаго учреждения Московскаго государства въ тотъ моментъ, когда туда привели «облихованнаго», т.-е. обвиненнаго человѣка, повиннаго въ уголовномъ преступленіи, въ данномъ случаѣ, какъ видно изъ предъявляемаго судьямъ окровавленнаго топора, въ убійствѣ. Обвиняемый связанъ, судья допрашиваетъ его, подьячій записываетъ показанія. Тутъ же и непремѣнный участникъ тогдашняго слѣдствія—«заплечный мастеръ» въ своей обычной красной рубахѣ; онъ стоитъ возлѣ своего орудія—«виски». Если обвиняемый будетъ запираться въ преступленіи, или судьи останутся недовольны ясностью его показаній, заплечный мастеръ приступитъ къ своему дѣлу: несчастнаго подвѣсятъ за выкрученныя назадъ руки къ потолку, и страшная плеть начнетъ свое дѣло — будетъ полосовать обнаженную спину обвиняемаго, пока судьи не выяснятъ себѣ изъ вымогаемыхъ такимъ образомъ признаній виноватаго полную картину преступленія, не вымучатъ имена сообщниковъ и не получатъ свѣдѣпія, куда дѣвалъ или куда спряталъ виновный награбленное добро.

Со временъ Ивана Грознаго судъ въ городахъ былъ отданъ въ руки избраннаго населеніемъ начальства каждаго города. Въ однихъ городахъ судьями были тѣ же люди, которыхъ населеніе выбирало въ качествѣ управителей и сборщиковъ казенныхъ платежей, въ другихъ судили судъ особые выборные судьи.

Избирали судей на сходкѣ всѣ жители округи, для которой судья избирался. Избраніе записывалось въ особые списки, которые назывались «выборными» или «излюбленными» списками. Избранные судьи отправлялись съ этими списками въ Москву, въ тотъ приказъ, къ

которому былъ приписанъ избравшій ихъ округъ. Здѣсь, въ приказѣ, избранныхъ приводили къ присягѣ. Выборные судьи зависѣли и отъ своихъ избирателей, «если посадскіе люди и волостные крестьяне захотятъ выборныхъ своихъ людей перемѣнить,—гласитъ законъ,— то имъ всѣмъ выбирать лучшихъ людей».

Выборные судьи вѣдали всѣ дѣла гражданскія и мелкія уголовныя; судили они по Судебнику. Но судить они могли только людей, жившихъ въ предѣлахъ ихъ области, а иски на постороннихъ людей принимать не могли. Въ такихъ случаяхъ выборные судьи должны были отсылать дѣла въ Москву въ тотъ приказъ, къ которому дѣло относилось, или къ которому городъ былъ приписанъ. Приказъ рѣшалъ такое дѣло самъ, или поручалъ его назначаемому приказомъ «третейскому» или «данному» судьѣ.

На судѣ выборныхъ судей должны были присутствовать лучшіе люди, цѣловавшіе крестъ, принесшіе присягу въ томъ, что кривить душой на судѣ не будутъ, отсюда ихъ названіе цѣловальники. Число ихъ было различно: законъ требовалъ, чтобы ихъ было «сколько пригоже, чтобы обиды и продажи никому не было отъ судей».

При выборномъ судѣ состояли для письмоводства дьяки и подьячіе, а также пристава и доводчики.

Всѣ эти должности были выборныя. Списки ихъ, по избраніи, представлялись въ Москву, въ соотвѣтствующій приказъ, гдѣ выборные и утверждались въ своихъ должностяхъ.

Для вызова на судъ тяжущихся при судьѣ состояли доводчики или пристава. Тотъ, кто желалъ судиться, обвиняя другого въ несправедливости по отношенію къ себѣ, подавалъ судьѣ челобитную, въ которой прописывалъ, чего стоитъ его искъ, и просилъ выдать «приставную память» для вызова въ судъ отвѣтчика. Челобитную принималъ дьякъ. Онъ разсматривалъ ее съ подьячими и рѣшалъ: стоитъ ли искъ тѣхъ издержекъ, которыя надо сдѣлать, чтобы вызвать на судъ отвѣтчика. Если оказывалось, что искъ стоитъ издержекъ, то дьякъ подписывалъ челобитную, получалъ за это съ истца пошлину и давалъ доводчику «приставную память», т.-е. повѣстку къ отвѣтчику явиться на судъ. Доводчикъ или самъ отправлялся за отвѣтчикомъ, или посылалъ за нимъ своего помощника. Прочитавъ

или выслушавъ «приставную память», отвѣтчикъ давалъ доводчику поручную запись, въ которой сосѣди его ручались за него въ томъ, что онъ явится въ указанный срокъ на судъ отвѣчать на обвиненіе. Если же онъ не могъ дать поручной записи, то доводчикъ арестовывалъ его и держалъ у себя подъ арестомъ до дня суда. Если отвѣтчикъ, несмотря на поручную запись, все-таки, не являлся на судъ, то на него выдавалась «безсудная грамота», т.-е. онъ считался виновнымъ безъ суда.

Явившись на судъ, истецъ и отвѣтчикъ должны были подать «ставочное челобитье», въ которомъ объявили о своей явкѣ и готовности стать на судъ.

Судъ былъ устный. Прежде всего судья обращался къ истцу, который долженъ былъ разсказать, въ чемъ состоитъ дѣло, и что онъ ищетъ съ отвѣтчика. Потомъ судья обращался къ отвѣтчику и говорилъ ему: «Отвѣчай!» Выслушавъ обѣ стороны, судья снова обращался къ истцу и спрашивалъ, чѣмъ онъ можетъ доказать свой искъ. Истецъ перечислялъ тогда всѣ свои доказательства. Судья обращался къ отвѣтчику и спрашивалъ, соглашается ли онъ съ этими доказательствами, съ тѣмъ, что говорятъ свидѣтели, представленныя истцомъ купчія грамоты, расписки и т. п., или онъ можетъ сослаться на своихъ свидѣтелей и представить свои бумаги. Если всѣ свидѣтели и бумаги были тутъ же на судѣ, то свидѣтелей опрашивали, бумаги разсматривали; въ противномъ случаѣ судья давалъ срокъ тяжущимся на представленіе доказательствъ. Судъ занималъ, такимъ образомъ, нѣсколько засѣданій. Все, что происходило на судѣ, записывалось дьякомъ въ особый сводный списокъ, въ которомъ обозначалось поименно, кто судилъ и какіе лучшіе люди при судѣ присутствовали.

Послѣ суда дѣло переходило къ «вершенію», т.-е. судья ставилъ свой приговоръ, а если не рѣшался разсудить дѣло, то докладывалъ высшему судьѣ — боярину, начальнику приказа, а бояринъ—боярской думѣ и царю. При докладѣ боярину присутствовали и обѣ тяжущіяся стороны. Выслушавъ докладъ, судья—бояринъ спрашивалъ: «Таковъ ли былъ вашъ судъ?» Если стороны начинали «лживить» судный списокъ, говорили, что «судъ былъ, да не таковъ», то судья

производилъ повѣрку съ помощью присутствовавшихъ на судѣ старосты и лучшихъ людей, которые предъявляли выданную имъ копію съ суднаго списка. Судья, которому былъ сдѣланъ докладъ, указывалъ докладчику, какъ вершить дѣло, кого обвинить, кого оправдать. Рѣшеніе судьи заносилось въ судный списокъ и прочитывалось сторонамъ. Выигравшему дѣло давалась, въ свидѣтельство его правоты, «правая грамота».

Если истецъ не доказалъ иска, то отвѣтчикъ оставался въ своихъ правахъ, и дѣло тѣмъ кончалось. Но если обвинялся отвѣтчикъ, то онъ долженъ былъ уплатить цѣну иска или возвратить предметъ тяжбы, если искъ былъ не денежный, а шелъ о какой-нибудь вещи, напримѣръ, о неправильно захваченной землѣ или другомъ имуществѣ.

Если отвѣтчикъ не могъ, или не хотѣлъ платить, то его ставили «на правёжъ», т.-е. выводили на площадь передъ зданіемъ суда, обнажали ему ноги и били по икрамъ палками все время, пока засѣдалъ судъ. Разсказываютъ, что богатые люди, которые не хотѣли платить долга, давали хорошій подарокъ судебнымъ приставамъ, и тѣ били ихъ легко, тогда какъ бѣдныхъ людей, которые не могли сдѣлать приставамъ подарка, били жестоко. По словамъ одного иностранца, передъ судомъ всегда стояло по утрамъ, съ восхода солнца до 11 ч. утра, болѣе 10 такихъ должниковъ; надъ ними трудились нѣсколько доводчиковъ, которые, раздѣливъ между собою виновныхъ, ставили ихъ въ рядъ и, начавъ съ перваго, били тростью длиною въ полтора локтя, поочередно ударяя каждаго три раза по икрамъ и, такимъ образомъ, проходя рядъ отъ одного края до другого. Многихъ съ правежа увозили домой въ телѣгахъ, такъ какъ итти они не могли.

На судѣ раннихъ московскихъ временъ, кромѣ показаній свидѣтелей, письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ, были еще и незнакомые нашему времени виды доказательствъ. Таково было, напримѣръ, «поле», т.-е. поединокъ. Если одна сторона въ подтвержденіе своего иска говорила, что она «крестъ цѣлуетъ и на поле биться лѣзетъ», то судья обращался къ другой и спрашивалъ: «цѣлуетъ ли она крестъ и на поле биться лѣзетъ ли?» Если сторона соглашалась, то это называлось «досудиться до поля».

Тяжущіеся могли выходить на поединокъ со всякимъ оружіемъ, кромѣ пищали и лука.

Происходило «поле» при окольничьемъ и дьякѣ, которые, пріѣхавъ на «поле», спрашивали у бойцовъ, кто у нихъ стряпчіе и поручники, и приказывали этимъ лицамъ быть при поединкѣ, но безъ оружія; людей постороннихъ дьякъ и окольничій должны были удалять, а сопротивлявшихся и желавшихъ насильно остаться хватали и отводили въ тюрьму. Бились противники пѣшіе: бой открывался копьемъ, потомъ принимались за другое оружіе. Досудившіеся до поля могли выставлять драться вмѣсто себя наемныхъ бойцовъ; обыкновенно такъ и дѣлали, и въ Москвѣ, по словамъ иностранцевъ-современниковъ, жили люди, которые только тѣмъ и промышляли, что выходили по найму драться за другихъ на «поле». Тотъ, кто самъ или его боецъ оказывался побѣжденнымъ, тотчасъ объявлялся виновнымъ.

Правительство и духовенство не очень покровительствовали «полю». Мало-по-малу обычай этотъ вывелся и, наконецъ, указомъ 1556 г. было вообще предписано, что если стороны досудятся до поля, то присуждать имъ не поле, а крестное цѣлованіе. Это называлось дать дѣло «на душу» истцу. Дольше держался обычай судебнаго крестоцѣлованія.

Одинъ иностранецъ разсказываетъ, что «церемонія происходитъ въ церкви; въ то время, какъ присягающій цѣлуетъ крестъ, деньги, если объ нихъ идетъ дѣло, висятъ надъ образомъ; какъ скоро присягающій поцѣлуетъ крестъ передъ этимъ образомъ, ему тотчасъ отдаютъ деньги». Иностранецъ этотъ разсказываетъ далѣе, что судебное крестоцѣлованіе считалось дѣломъ столь святымъ, что никто не смѣлъ нарушить его, и никто изъ москвитянъ не рѣшался поцѣловать крестъ ложно.

Другой живой наблюдатель тогдашней русской дѣйствительности отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что русскіе люди вообще старались не доводить дѣла до крестнаго цѣлованія, тяжущіеся неохотно прибѣгали къ нему, и всѣ вообще неблагопріятно смотрѣли на человѣка, поцѣловавшаго крестъ въ судномъ дѣлѣ. Предпочитали въ такихъ случаяхъ просто бросить жребій, и тогда тотъ, кому онъ доставался, считался выигравшимъ дѣло.

Научная б-ка им. Горького при ЛГУ

1-й Пем. Гос. Пед. ... иностр... языков
105115

Такъ былъ устроенъ въ Московскомъ государствѣ гражданскій судъ, т.-е. разборъ тѣхъ дѣлъ, гдѣ нѣтъ преступленія, а есть только споръ, тяжба двухъ сторонъ, при чемъ и самое разбирательство спора на судѣ происходитъ по жалобѣ суду одной изъ сторонъ; безъ этой жалобы чувствующей себя обиженной стороны судъ самъ такихъ дѣлъ не начинаетъ.

Но есть цѣлый рядъ дѣлъ, которыя судъ долженъ самъ начинать, чтобы возстановить преступленную злой волей справедливость; напримѣръ, нанесеніе съ злымъ умысломъ однимъ человѣкомъ другому вреда, убытка, смерти. Такія дѣла называются уголовными.

Судъ, разбирая ихъ, не только возстановляетъ нарушенную справедливость, но и наказываетъ виновника, сдѣлавшаго это нарушеніе. Дѣла перваго порядка принято называть гражданскими, второго—уголовными.

До Грознаго уголовный судъ такъ же находился всецѣло въ рукахъ волостелей, какъ и гражданскій. Почти одновременно съ передачей въ руки излюбленныхъ судей гражданскихъ дѣлъ, были отданы въ руки выборныхъ судей и дѣла уголовныя. Для вершенія этихъ дѣлъ, главнымъ образомъ дѣлъ разбойныхъ, населенію поручалось выбрать въ каждомъ уѣздѣ особыхъ губныхъ старостъ.

Губные старосты не только должны были ловить и судить разбойниковъ, но и накрѣпко «обыскивать» всякое подозрѣніе въ разбоѣ, когда оно возникало на кого-нибудь. Однимъ изъ средствъ сыска былъ обыскъ, т.-е. допросъ мѣстныхъ жителей о томъ, кто у нихъ на посадѣ или въ уѣздѣ разбоемъ занимается, лихимъ людямъ притонъ даетъ, вѣрны ли слухи, что вотъ такой-то и такой-то промышляютъ грабежомъ и разбоемъ. Губные старосты, или ихъ помощники и подчиненные, должны были для такихъ опросовъ разъѣзжать по всему уѣзду.

На основаніи многихъ согласныхъ показаній, что такой-то человѣкъ вѣдомый разбойникъ и не только теперь, но и «допрежь сего крадывалъ», оговореннаго хватали, а на имѣніе его накладывали арестъ.

Въ назначенный день обвиненнаго приводили на судъ къ губному старостѣ, въ губную избу. Если обвиненный запирался, не хо-

[illegible] такъ, какъ того желалъ судья, т.-е. зачастую совершенно несоглас- [illegible] сказать.

[illegible] вореннаго ставили съ нимъ «съ очей на очи», т.-е. приводили на [illegible] его, и при этомъ снова пытали, не сниметъ ли, дескать, оговора, [illegible] захватилъ на мѣстѣ преступленія.

[illegible] лоповъ и грабитъ вмѣстѣ съ ними, то хватали и помѣщика и его

холоповъ, но прежде пытали холоповъ, а потомъ самого господина.

Уличеннаго въ преступленіи ожидала смертная казнь или кнутъ. Смертью казнили черезъ повѣшеніе, обезглавливаніе, утопленіе, сажаніе на колъ и т. д. Чаще всего употреблялось повѣшеніе, а другіе виды казни наблюдались рѣдко, развѣ за какія-нибудь особыя преступленія. За воровство и даже убійство, если это не былъ разбой, т. е. убійство, соединенное съ грабежомъ, смертной казни подвергали рѣдко; въ большомъ ходу былъ кнутъ и батоги.

Батоги были самымъ обыкновеннымъ и употребительнымъ наказаніемъ, которому одинаково подвергались и простые и чиновные люди за важныя и неважныя нарушенія закона. Въ Москвѣ, по замѣчанію одного иностранца, рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы кого-нибудь не били на площади батогами.

Часто употреблялся и кнутъ, который иностранцы описываютъ, какъ самое жестокое и варварское наказаніе. На мѣсто казни преступника выводили съ зажженной восковой свѣчей, которую онъ держалъ въ связанныхъ рукахъ. При наказаніи на площади присутствовалъ подьячій съ бумагой въ рукахъ, гдѣ означено было число ударовъ для каждаго преступника; всякій разъ, какъ палачъ отсчитывалъ предписанное число, подьячій кричалъ: «Полно!»

Такъ какъ судъ въ Московскомъ государствѣ былъ неразрывно связанъ съ управленіемъ, а лица, вѣдавшія областное управленіе, были въ то же время и судьями, то понятно, что высшія мѣста по управленію въ Московскомъ государствѣ, сосредоточенные въ Москвѣ приказы, были высшими судами, по сравненію съ судами воеводъ, земскихъ судеекъ и губныхъ старостъ.

Почти всякій приказъ имѣлъ свою долю судебной власти, такъ какъ почти къ каждому приказу были приписаны города, доходы съ которыхъ въ этотъ приказъ поступали.

Для жителей этихъ городовъ приказъ, собиравшій съ нихъ подати, и былъ важнѣйшимъ судебнымъ мѣстомъ, куда они жаловались и на «неправду» своихъ судей, отъ этого приказа зависѣвшихъ, какъ управители.

Большее судебное значеніе имѣли приказы Разбойный и Земскій. Названіе ихъ уже показываетъ, какія дѣла вѣдали эти приказы.

Были еще и чисто-судебные приказы — судные приказы московскій и владимирскій, вѣдавшіе преимущественно запутанные случаи въ гражданскихъ дѣлахъ вообще и гражданскія дѣла служилыхъ людей въ частности; приказъ большого прихода, т.-е. вѣдомство государственныхъ доходовъ, судилъ гостей, откупщиковъ и таможенниковъ; ямской приказъ, вѣдомство путей сообщенія, судилъ ямщиковъ; монастырскій приказъ судилъ по жалобамъ на духовенство и монастырскихъ крестьянъ. Приказъ разбойный вѣдалъ, какъ показываетъ его названіе, дѣла уголовныя. Разбойный приказъ утверждалъ всѣхъ судей по разбойнымъ дѣламъ. Выбранные всеуѣздными людьми губные старосты пріѣзжали въ Москву и являлись въ этотъ приказъ, который испытывалъ ихъ и, если находилъ годными, утверждалъ въ должности. Въ разбойный же приказъ доставлялись списки всѣхъ судныхъ дѣлъ по разбоямъ, вершившихся въ городахъ.

Высшее въ Московскомъ государствѣ мѣсто, вѣдавшее судебныя дѣла, куда обращались за разрѣшеніемъ очень сложныхъ и запутанныхъ случаевъ и самые приказы, была боярская дума. Судебныя дѣла поступали въ думу по докладу судей приказовъ. Судья приказа докладывалъ дѣло царскимъ думцамъ устно. Бояре слушали и, «поговоря», ставили свое рѣшеніе. Непремѣнно въ думѣ разбирались дѣла по жалобамъ на намѣстниковъ и воеводъ, при чемъ дума сама назначала размѣры штрафа съ обвиненнаго.

Бояре разсматривали всякое прошеніе, поступавшее въ думу и, если находили его законнымъ, то рѣшали дѣло, если же находили, что данное дѣло можетъ по закону рѣшить и соотвѣтствующій приказъ, то пересылали его туда. Наконецъ, дума судила всѣ тѣ дѣла, которыя передавалъ на ея разсмотрѣніе царь.

Выше думскаго и боярскаго суда былъ и могъ быть только судъ царя. Судиться прямо у великаго государя добивались, какъ особенной чести, и эта честь жаловалась очень немногимъ по особой грамотѣ, называвшейся тарханной. Тарханныя грамоты выдавались преимущественно монастырямъ. Никакой земскій судейка, никакой губной староста не имѣлъ права въѣзда во владѣнія, обозначенныя къ тарханной грамотѣ: тамъ судилъ самъ царь или бояринъ, которому царь прикажетъ.

Новая цена
Руб. — коп. 08

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ для разбора просьбъ, подаваемыхъ царю, былъ учрежденъ особый приказъ, названный челобитнымъ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подобное значеніе имѣлъ приказъ тайныхъ дѣлъ.

См. *Ѳ. М. Димитріевъ*, «Исторія судебныхъ инстанцій»; *В. О. Ключевскій*, «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ».

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

5610

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ— взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, д
ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указы
реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуем
какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворитовъ при дворѣ
посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — „*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

2
4819-16

1494 -ко скоропеч А. А. Левенсонъ. Москва,